

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.46:32(575.2)

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В КЫРГЫЗСТАНЕ

Ж.С. Дыйканов

В статье рассматриваются вопросы политического лидерства в Кыргызской Республике. Выделяется свойственная кыргызстанскому национальному менталитету специфика лидерства в сфере политического управления. Выявляется взаимосвязь существующей политической элиты, методов осуществления политического лидерства с провалами реформ в условиях переходного периода. Обосновывается необходимость трансформации политического лидерства в рамках кыргызского общества.

Ключевые слова: политическое лидерство Кыргызстана, политическая элита Кыргызстана, клановость кыргызской политики, политика Кыргызстана.

Zh.S. Dyikanov

TO THE PROBLEM OF DEVELOPMENT OF NATIONAL POLITICAL LEADERSHIP IN KYRGYZSTAN

In the article the author deals with the questions of political leadership in the Republic of Kirghiziya. He allocated specificity of leadership in the sphere of political management, which is peculiar to kyrgyz national mentality. The interrelation of existing political elite, methods of realization of political leadership with failures of reforms in the conditions of a transition period are revealed in the article. Necessity of transformation of political leadership within the limits of the Kirghiz society is proved by the author.

Key words: political leadership in Kyrgyzstan, political elite in Kyrgyzstan, clannishness of kyrgyz policy, police of Kyrgyzstan

На протяжении последнего столетия базовым типом политической культуры Кыргызстана являлась советская политическая культура, главной особенностью которой было монопольное господство одной коммунистической политической партии, ее иерархическая, жесткая система отбора политических лидеров, включающая в себя отлаженную закрытую систему рекрутирования.

С распадом Союза ССР кыргызские политические лидеры, как и лидеры других республик постсоветского пространства, начали свой отсчет формирования суверенных государств. Этот период в Кыргызстане характеризуется эйфоричным восприятием неожиданно полученной независимости, суверенитета и формированием новой политической элиты.

Характерной особенностью данного периода было то, что основной парадигмой развития нового государства была выбрана демократия, рыночная экономика со всеми их западными процедурными элементами. Этот выбор был обоснован скорее как альтернатива старой, коммунистической парадигме, чем как осознанный путь развития кыргызского социума. Было предпринято много усилий для утверждения в стране западных демократических ценностей.

Копирование новых внешних образцов, наряду с имевшимися внутренними тенденциями развития кыргызского общества, привели к тому, что в Кыргызстане всегда существовали квазидемократиче-

ские формы; были введены демократические форматы, но не все из них функционировали.

Основной костяк властного политического и государственного лидерства в стране представлял по-прежнему класс уже посткоммунистической номенклатуры из прежнего советского общества. Даже приход во власть первого президента Кыргызстана из среды интеллигенции, ученого, получившего образование и сформировавшегося в советском центре, ничего не изменил. Более того, постепенное «скатывание» из первоначально действительно приверженного демократическим принципам государства в семейно-авторитарное привело к известным политическим событиям марта 2005 г.

Первый период правления А. Акаева (1991-1996 гг.) характеризовался некоторыми позитивными тенденциями в формировании и ротации нового политического лидерства в Кыргызстане. На данном этапе политико-государственного строительства впервые после многих лет в системе партноменклатуры, начался процесс формирования национального политического лидерства. В политическое пространство начинают продвигаться и занимать ключевые позиции люди из других социальных слоев общества. В кыргызской политике впервые появляются такие известные сейчас политические лидеры, как О. Текебаев, Ж. Жекшеев, А. Мадумаров, Т. Бакир уулу и др. Национальная политика характеризуется решительным реформистским настроем ряда политических лидеров нача-

ла 1990-х гг., организовавших первые протестные акции и захват земель жителями окрестных районов столицы. Это привело к созданию первого общественного движения «Ашар» и Демократического движения Кыргызстана, позже переросшего в одноименную партию. ДДК, по сути, первая реальная политическая партия Кыргызстана, основанная на идеологической платформе, имела в тот момент обширную социальную базу. Позже в состав политической элиты страны войдет большинство ее партийных лидеров: Ж. Жекшеев, Д. Нур уулу, Т. Тургуналиев, В. Черноморец и другие. Потом эта партия распалась на три самостоятельные организации – ДДК, «Асаба» и «Эркин Кыргызстан» [1, с. 57].

В период 1998-2005 гг. процесс циркуляции элит практически приостановился. Среди характерных черт этого процесса в период правления президента Акаева, как отмечает кыргызский политолог М. Сариев, были следующие:

- формирование партии власти «Алга, Кыргызстан!» (политический лидер – дочь президента, жесткая административная вертикаль, использование административного ресурса и т.д.);
- семейственность – наиболее приближенный круг коррумпированных лидеров с наиболее полной концентрацией экономических, политических, административных и иных ресурсов;
- возврат к родо-tribовым, региональным и закрытым формам рекрутирования, противоречащим формально провозглашенным демократическим принципам и подменяющим основной канал лидерской выборки – демократические выборы;
- тенденция укрепления позиций номенклатурной бюрократии в качестве политических лидеров (ключевые позиции окружения президента и верхнего эшелона власти вновь стали распределяться между представителями старой управленческой когорты, оттеснив на периферию представителей новой волны кыргызской политики);
- наиболее деятельным органом реального управления в стране была администрация президента КР (иерархическая тайная элитно-лидерская пирамида, имеющая возможность выработать свои сплосшь кулуарные, закрытые традиции и способы рекрутирования новых лидеров)» [2, с. 4].

Распределение всех имеющихся ресурсов внутри одной закрытой группы политических лидеров, с допущением к распределению преданных власти небольших кланово-корпоративных сообществ, отсутствие открытой системы отбора элит, позже обозначившиеся проблемы с легитимацией самой этой власти – стали причинами противостояния внутри самих элитных групп. К марту 2005 г. одним из ключевых компонентов критической массы, «выплеснувшей» режим Акаева из страны, стал не только системный кризис, но и острая необходимость смены старых пропрезидентских политических лидеров.

Среди основных протестных требований участ-

ников событий марта 2005 г. были реформы. В том числе и кадровые: предполагалось, что новый «вброс» более инновационно-передовых реформаторов, появление качественно новых политических лидеров, сможет перенаправить управление страной в нужном фарватере, с последующим выходом из системного кризиса. Однако постреволюционный этап показал, что в стране не произошло значительных изменений, ни в политике, ни в экономике.

Во многом подобное «замораживание» процессов обновления объясняется определенной типологией нынешних политических лидеров Кыргызстана. Одной из характерных черт современного политического лидерства как типа властной элиты является ее представленность по региональному признаку – юг и север. Региональный и трибальный показатели даже в советское время играли существенную роль в процессе рекрутирования лидеров в системе власти. Изначально заложенное различие между оседлой и кочевой культурами, географическая удаленность (один наземный путь, легко перекрываемый перевалом Тоо-Ашуу) и попеременный доступ к властным ресурсам диктует некоторую конкурентность и ревностный характер отношения представителей одной лидерской (региональной, клановой) группы к другой.

Оппозиционная часть разнородных от власти политических групп лидеров, людей, имеющих к ним отношение (экс-депутаты Жогорку Кенеша, бывшие министры, бывшие «акаевцы»), является довольно разобщенным сегментированным пространством оппозиционного поля, костяком которого продолжают быть представители движения «За реформы!», на сегодня составившие основу нового консолидированного движения – «Единое народное движение» (созданного в декабре 2008 г.). Часть политических лидеров, так или иначе принимавших участие в мартовских событиях, именуемых революционными, так и не была приобщена к основным ресурсным возможностям в стране.

Одной из основных революционных мотиваций протестующих групп 24 марта 2005 г. было «свержение режима Акаева», то есть не идеологическое, программное видение будущего, а просто тактическая ситуативная цель – «Акаев кетсин», в ноябрьские дни 2006 г. – «Бакиев кетсин, Кулов кетсин» [3, с. 23]. В большинстве своем это были неосознанные эмоциональные, ситуативные требования, артикулируемые массами вслед за их лидерами, без прагматичного, конструктивного видения политического будущего. По мнению известного политолога Э. Ногойбаевой, «акт демократического действия у кыргызов и их лидеров всегда носит реальный, а не символический характер. И если западный обыватель может прийти на митинг, а через час, в крайнем случае вечером, спокойно вернуться домой, то наш, если уж он вышел с протестом, не уйдет, пока не добьется своего. Особенностью кыр-

гызской демократии является ее прецедентный, а не нормативный характер» [4, с. 35].

Вне зависимости от опыта, накопленного за предшествующее время, вчера еще популярные, активно заявлявшие политические лидеры тускнеют или теряются в моменты реального действия, момента выбора, сжатого во времени, но имеющего огромные перспективы/последствия – позитивные/негативные, в будущей карьере или деятельности политика. Отсутствие коммуникационных традиций у современных политических лидеров Кыргызстана – тормозящий фактор политико-правовых преобразований.

Следующей проявившейся особенностью в эти беспокойные для Кыргызстана годы стали недостатки межлидерского взаимодействия. Рухнувшие традиции закрытого, иерархического негласного кодекса взаимоотношений развалившегося монолита СССР, трайбовые и нелегитимные в самих элитных кругах коммуникации акаевского периода, а также отсутствие хоть какой-либо практики, в том числе исторической, не считая курултаев, сходов, межплеменных коммуникаций «непомянутых веков», безусловно, не стали «подпоркой» или почвой для новых традиций взаимодействия кыргызских лидеров образца начала XXI в.

Последние проявления политической активности явно демонстрируют абсолютное отсутствие у нынешних лидеров элементарных основ и традиций коммуникационного договора, выражающихся в простых, на первый взгляд, категориях – проявление толерантности, взаимопонимания, консенсуса. Взаимодействие как внутри лидерских групп, так и на уровне власть/оппозиция, власть/общество проходит на уровне «революционной волны», эмоциональных выпадов и выступлений. Деятельностный режим созидания подменяется идеологически ориентированными прокламациями.

За семнадцать с небольшим суверенных лет стали рушиться уже привычные, выработанные и адаптированные к местным, традиционным и новым условиям коммуникационные традиции, имеющие свои особенности и каналы, такие как кланово-корпоративные, партийно-номенклатурные, профессионально-профильные и иные. Как правило, они выражались в закрытых, внутренних, «закулисных» формах. Так принимались и самые важные в стране решения, так решались и несложные коллективные вопросы, прикрытые формальной атрибутикой, например, «почти единогласным голосованием». Принятие общего, псевдодемократического решения проходило кулуарно, в форматах закрытого типа.

Подобная коммуникационная проблема стала «камнем преткновения». Политические лидеры не могли не только договориться, но и часто взаимодействовать с самими ветвями власти, отдельными политиками и чиновниками по ключевым направлениям.

Пока на уровне элит нет даже попыток выработать особые правила игры, культуру взаимодейст-

вия и договоров для выхода из системного кризиса, в котором, безусловно, находится Кыргызстан, необходимо обратиться к поиску новых решений. Благо есть опыт других стран, переживших подобные «болезни роста» общества. Выработанные годами, порой веками форматы и процедуры взаимодействия межэлитных конкурирующих лидерских групп имеют в своей основе механизмы согласования по тем или иным ключевым вопросам

На сегодняшний день Кыргызстан не использует на полную мощь не только природно-геологический, энергетический и прочие природные ресурсы, но и, прежде всего, человеческий, интеллектуальный. Пока мы наблюдаем довольно низкий показатель включения в процесс рекрутирования новых политических лидеров, обладающих соответственным профессиональным опытом, наработанными коммуникациями и технологиями. Мы не используем интеллектуальный, да и просто человеческий потенциал выдающихся наших сограждан, потенциал молодых, великолепно обученных за рубежом специалистов, которые вполне могли бы пополнить и стать национальными политическими лидерами страны, если бы были востребованными в родном государстве и не «выплескивались» за рубеж в поисках самовыражения. При том, что показатели возвратности наиболее успешных, одаренных и талантливых наших соотечественников уменьшаются с каждым годом.

Как отмечает отечественный эксперт А. Наматбаев, «игнорирование квалифицированных специалистов, отток ресурсов в академическое направление – науку и образование – совпали с процессом становления экспертно-аналитического потенциала, которое, в свою очередь, постепенно проходило этапы формирования и институционализации, востребованные в основном частными интересами и внешними заказчиками» [5, с. 14]. Процесс принятия политического решения в стране на основе первоначального независимого, экспертного изучения, а затем согласования как самим гражданским обществом, так и властными структурами является отработанной и эффективной, во многих развитых странах практически узаконенной и механической формой решения большинства вопросов различного уровня. И отторжение новых технологий коммуникационного и управленческого направления политического лидерства в современном Кыргызстане демонстрирует вновь проявляющуюся тенденцию к консервации инновационного реформаторского начинания, заложенного мартовскими изменениями в стране.

И политическая стабилизация кыргызского общества, о котором мечтают в постреволюционный период все граждане, во многом зависит от способности политических лидеров Кыргызстана достигать стратегического консенсуса, касающегося соблюдения демократических принципов политической деятельности и особенно в аспекте взаимоотношения власти и оппозиции.

Литература

1. Курманов З. Кризис власти в Кыргызстане: пути выхода // 24 марта 2005 г.: «народная революция»: сб. ст. - Бишкек, 2005.
2. Богатырев В. Место и роль политических партий в Кыргызстане – Политические партии в Кыргызстане. – Бишкек: Ин-т общественной политики IPP, 2007.
3. Казакпаев М. К вопросу правового регулирования деятельности политических партий в Кыргызстане // Известия вузов. - 2007. - №4.
4. Ногойбаева Э. Отсутствие технологий коммуникационного договора как «камень преткновения» в развитии

Кыргызстана // Ориентир. - 2008. - №3.

5. Наматбаев А. Постмартовские проблемы: как решить? // Мартовская революция в Кыргызстане: шаг вперед или...: материалы науч.-практ. конф. – Бишкек, 2005.

Дыйканов Жумабек Сабырович, аспирант кафедры истории и политологии Государственного университета управления, г. Москва.

Dyikanov Zhumabek Sabyrovich, post-graduate student of department of history and political science, State University of Management, Moscow.

Тел.: 8 926 571 91 15, E-mail: juma_rm@mail.ru

УДК 342.51 (571.56)

П.М. Егоров

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

В статье рассмотрены проблемы создания и развития института президентства в Республике Саха (Якутия). Данная статья будет интересна специалистам в области политологии и права.

Ключевые слова: институт президентства (президентство), власть, исполнительная власть, кризис, Конституция, выборы.

Р.М. Егоров

ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTE OF PRESIDENCY IN THE REPUBLIC SAKHA (YAKUTIA)

The article is devoted to the problems of creation of institute of presidency in the Republic Sakha (Yakutia). It is interested for experts of Law(s) and specialists in political science.

Key words: presidency, power, executive power, crisis, Constitution, election.

Становление института президентства в Республике Саха (Якутия) отразило сложное соотношение сил внутри самой республики и особенности ее взаимоотношений с федеральным центром. С приходом к власти М.С. Горбачева начались кардинальные преобразования во всех сферах жизни советского общества. Для проведения реформ в условиях углубляющегося социально-экономического кризиса и роста межнациональных конфликтов происходило падение авторитета М.С. Горбачева в партийных рядах, и ему было необходимо сосредоточить в своих руках исполнительную власть. Осенью 1989 г. у М.С. Горбачева возникла идея учреждения института президента [12, 237]. 14 марта 1990 г. Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР принял закон СССР №1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР» и избрал М.С. Горбачева первым президентом СССР.

Учреждение института президента СССР явилось одной из основных причин создания аналогичного органа власти в РСФСР и других союзных республиках, стремившихся к большей независимости от влияния союзного центра. В результате всероссийского референдума, прошедшего в марте 1991 г., большинство граждан высказались за создание поста президента РСФСР. IV Съезд народных депутатов РСФСР, состоявшийся 24 мая 1991 г., утвердил ранее принятые законы «О Президенте РСФСР» № 1098-1 и «О выборах Президента РСФСР» № 1096-1. На президентских выбо-

рах 12 июня 1991 г. победу одержал Б.Н. Ельцин.

Введение президентского поста в России, в свою очередь, привело к появлению президентства в бывших автономных республиках, входящих в состав РСФСР. В начале 90-х гг. в Якутии произошла консолидация региональной элиты на основе идей суверенитета – стремления к большей экономической и политической самостоятельности. Результатом данной политики явилось повышение конституционного статуса Якутии, преобразование ее из автономной в советскую социалистическую республику. Принятие 27 сентября 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете Якутской – Саха Советской Социалистической Республики» (далее Я-СССР) вслед за Декларацией о государственном суверенитете России от 12 июня 1990 г., имело большое значение в процессе появления в Якутии института президентства.

В 1990 г. в Якутии началась работа над новой Конституцией республики. Первоначально были выработаны два проекта: в первом варианте исполнительную ветвь власти представлял Совет Министров, во втором проекте предусматривалось, что исполнительную власть возглавлял президент со своим кабинетом министров, избираемый Верховным Советом. Как писал один из разработчиков конституции ЯСССР П.Л. Казарян: «Это подразумевает парламентского президента. Верховный Совет не только выбирает, но и отстраняет президента от должности. Уместно говорить, что может возникнуть вопрос о процедуре выбора президента: